

стоянно участвует постановщик, которому оказалось невозможно после совместных озарений в репетиционном зале покинуть своих артистов. Иосиф Райхельгауз дает указания исполнителям и осветителям, просит включить кондиционер (это в ТЮЗовском-то зале?), "ловит" нужную волну на радиоприемнике, отстукивает ритм, задает темп, просит повторить текст, пройти сцену сначала... Неудивительно, что два года назад "Записки" открывали знаменитый "Боннер биеннале" как образчик постановки по самой тенденциозной современной драматургии. Тогда в Бонне стараниями организаторов была полностью воссоздана среда, в которой спектакль идет на Трубной площади в Москве, построены два амфитеатра друг напротив друга, и оказалось, что европейцам вянты и близки наши ностальгические метания.

В нынешнем году "Боннер биеннале" принимал "Город" по новой пьесе Гришковца в постановке того же Райхельгауза, западная пресса посвятила спектаклю несколько десятков статей, которые в театре еще не успели до конца перевести. В "Городе" артисты играют, сидя на стремянках, буквально над головами зрителей, и у Райхельгауза также имеется роль, пусть небольшая, но заметная. Будем надеяться, что сбудется мечта режиссера относительно больших гастролей в Одессе, и увидим мы "Город", "Чайку" по Чехову-Акунину, "Как я съел собаку", "Одновременно", как видели "Пришел мужчина к женщине", "С приветом, Дон-Кихот!", "А чой-то ты во фраке?" и прочие нашумевшие постановки "Школы современной пьесы" прошлых лет. Есть совместные планы у Райхельгауза и с дирекцией Одесской русской драмы, но для их осуществления необходимо как финансовое обеспечение, так и заинтересованное отношение труппы. Похоже, пришло то время, когда наряду с галстуками от "ТАТ" пора отвергнуть спектакли проходные, "для галочки", поставленные своими силами, в костюмах из подбора и в декорациях, сколоченных наспех из остатков старой сценической мебели. Вот сниклавший в Москве успех одессит Борис Мильграм уже ставит на одесской сцене "Школу жен" Мольера, — глядишь, и с Иосифом Райхельгаузом дело сладится, а там и Михаил Левитин поставит что-нибудь в родном городе, и другие одесситы, которым пришлось когда-то ухать отсюда, чтобы состояться в профессии. А если и не так, имеется идея организовать фестиваль спектаклей знаменитых режиссеров родом из Одессы, этакие грандиозные гастроли. Это нужно не столько им, успешным и обласканным, сколько нам, с их отъездом что-то утратившим...

Изгнание в Рай

Наш человек в Санкт-Петербурге

Впечатление было сновиденным: в сакральном месте петербургской культуры, в воссозданном по своему историческому адресу подвале "Бродячая собака" будто вспыхнул жар одесского солнца. Привиделось буйство весеннего сада и щедрость сада осеннего. Смешались пространства, север и юг, Петербург и берег Большого Фонтана. Это я, заглянув в "Бродячую собаку", увидела знакомую кисть — и жизнь: то была выставка Лоры Малышевой, одесситки, ставшей одним из наиболее ярких живописцев среднего поколения в Петербурге.

"Сады", лишь малая часть которых была показана в "Бродячей собаке", — не очередная серия работ, а качественный скачок в искусстве художницы. Творческий подъем, обеспеченный югом.

Сила цвета и сила контраста — оружие Лоры. Поверхности ее холстов захвачены лавиной декоративного цвета. Водопады красок.

Фонтаны призрачных пионов. Вскрики и всплески красных тюльпанов на черном фоне сочной земли. Купы цветущих вишен и тяжкие гроздья холодной сирени. Массивы цвета — и цветов. Массив весны, что в свой серый черед сменится спелой и зрелой осенью, широко располжившейся в устойчивом квадрате холста. Опершийся на шары оранжевых тыкв и фиолетовые пирамиды будто лакированных баклажан.

Беседки, лестницы, окошки, люди — лишь детали в этом вечном празднике могучей природы. Прежние героини Лоры, длинноногие и длинноглазые, равно прекрасные и равно похожие друг на друга, были впрямь нимфами и дриадами. Были духами природы, ненадолго принявшими человеческое обличье. Утонченно эротичные красавицы, они царят в эмалях, тоже показанных на выставке.

Но на последних полотнах "Садовой серии" лики женщин слились с лицами цветов. Рассредоточились в среде. Стали еще одним завитком в ковре жизни. Изобилие цветочных масс словно нанизано на черно-бархатные стержни стволов, на гнущиеся под тяжестью гроздьев (листьев, гирлянд...) ветви. Гибкая, как хлыст, линия стелется по плоскости. Задает ритм произведению. Организует панораму природы. Именно таковы изысканные и чрезвычайно сложные горизонтальные композиции, когда поток изображения словно разворачивается перед нами. Победное шест-

вие пейзажа, где слово "шествие" следует понимать почти буквально. Изображение будто длится, занимая всю поверхность. Растет с неудержимостью декоративного дикорастущего сада. Звучит ликующим гимном. Построенная на пронзительном столкновении дополнительных цветов и жестких касаниях, где линия подхлестывает массы звонкого цвета, живопись Малышевой контрастна, но не драматична. Слово "гимн" вызывает у нас ассоциации сначала с гимном государственным, затем смутно брезжит нечто из курса античной литературы: была некогда гимническая поэзия в далекой, не имеющей к нам отношения античности... Зачем была?

Лариса Малышева

О чем? Израненные и побитые, мы уже не мыслим искусства вне и без противоречий, конфликта, боли... Но агон — состязание — есть один из способов развития драматического действия, когда в соревновании идет нарастание эмоций. Строй живописи Малышевой — сплошной агон: контрасты цвета, оттенки и подгоняя друг друга, растут подобно шквалу и от восторга захватывает дух.

Свое "сражение с деревьями в цвету" (О. Ренуар) художница ведет легко и радостно. Перед нами не тяжкая битва с холстом, а любовная схватка. Выплеск ликующей энергии. Языческое (в его светлой стороне) восприятие жизни.

Отцветы античного рая явственно лежат на Лориных "Садах".

Сегодня она пишет свои картины, приезжая из Петербурга в Одессу. Возвращаясь в юность и детство, в домик на Большом Фонтане, чья крохотная площадь обратно пропорциональна изобилию окружающей среды.

Четырехлетнюю девочку папа вывел во двор, дал этюдник и велел написать этюд. Девочка написала. Папа — замечательный одесский живописец, мастер пленэрного этюда Геннадий Малышев — удивился, и с тех пор у девочки не было детства. Пока другие играли в карты на пляже, Лора

с папой с этюдниками исходили все окрестности. Девочка стала лучшим колористом курса в Грековском училище.

С ней шли мы с этюдниками на плече по улице, ныне носящей имя Анны Ахматовой, ибо великая поэтесса родилась именно в этих местах.

Шли, не подозревая о том, что она где-то рядом родилась.

И о том, что полотна Лоры когда-нибудь будут висеть в знаменитой "Бродячей собаке", прославленной Анной Ахматовой и с ее именем навсегда связанной.

Будущее светилось перед нами.

И оказалось (если вычсть вопрос о плате) действительно неплохим.

Свои приезды в Одессу Лора называет "изгнанием в рай". Возвращаясь домой, окунаясь в атмосферу родного юга и стихию пленэра, она получает мощный импульс. Живое натурное впечатление обретает монументальный размах. В соединении пленэра и декоративности — победительная сила полотен Малышевой. Плюс на плюс дают не конфликт, а умножение энергий.

Законы творчества природы ложатся в основу творения живописи, получающей чуть ли не космическую силу. Так рождается эффект бурного цветения. Эффект живописи Лоры Малышевой.

